

Проселки

(Путевые заметки)

Граф С. Д. Шереметев

*«Скажите, знаете-ль, честные господа,
Что значит русскими проселками езда?..
Что шаг,—то яма, косогор, болото иль овраг...
Я твердо убежден, что со времен Потопа
Не прикасалась к ним лопата землекопа...
Дорога лесом ли? Такие кочки, пни,
Что крепче свой язык к гортани ты прильни,
Не то такой толчок поддаст тебя, что ой ли!
И свой язык насквозь прокусишь ты. Рекой ли
Дорога? Мост на ней уж подлинно живой:
Так бревна в запуски и пляшут под тобой.
Есть перевоз ли? Плот такое уж гнилье,
Что только бабам мыть на нем белье...
Нет, вызвал бы я вас на Русские проселки,
Чтоб о людском житье прочистить ваши толки».*

Кн. Вяземский

В глухую осень 1864 года выехал я из Клина в Волоколамский уезд, в село Волочаново, в имение

дяди Б. С. Шереметева. Дорога была невозможная: места довольно скучные и однообразные.

Ехал я в коляске с тетушкой Е. С. Делер с целью навестить хозяев старой усадьбы деда моего Сергея Васильевича Шереметева. Волочаново было давно мне знакомо по многим семейным рассказам: когда-то имение это служило убежищем для бабушки моей Варвары Петровны...

Двигались мы медленно, потому что дороги были очень плохи. В лунную ночь подъехали мы к обширному озеру, на берегу которого возвышался монастырь. Белые зубчатые стены его и башни отражались в воде. При свете луны этот длинный ряд стен и главы церквей производили внушительное впечатление. То был монастырь Иосифа Волоколамского. Пребывание наше в Волочанове было непродолжительно. Оно совпало с грустным для хозяев его событием, когда они только что похоронили своего старшего сына. Мне понравился Волочановский одноэтажный деревянный дом, с крытыми балконами, с старою библиотекою Василия Владимировича Шереметева и с мебелью начала нынешнего столетия.

Из Волочанова выехали мы через большое село Серета на бывшее Муравьевское имение—село Осташово. Впервые пришлось мне побывать в этом когда-то людном доме, в любопытном средоточии деятель-

Герб рода Шереметевых

ности даровитой семьи Муравьевых. Здесь, окруженный сыновьями, жил основатель училища колонновожатых Николай Николаевич Муравьев. Здесь, по преданию, на одном из пригорков на берегу реки Рузы зарыта в землю «Конституция», написанная одним из Муравьевых. Здесь у «Андреевой башни», когда-то мечтал А. Н. Муравьев о соседнем Яропольце: это воспетый им «Замок на Ламе», в котором жили сестры графини Чернышовой.

Давно ушло Осташово из Муравьевской семьи. От них оно перешло к Шиповым. Здесь на короткое время мы остановились. Уже совсем стемнело, и мы торопились,

чтобы в ту же ночь попасть в Покровское. От Осташова до Покровского верст 25, не более, но ночь была темная, осенняя. Нам дали в проводники мальчика с фонарем; но мальчик этот только мешал; свет от фонаря, ничего не освещая, лишь усиливал окружающий мрак. Ямщик сбился с дороги. Мы ехали всю ночь. Напрасно возница наш взывал к провожатому: «Титка, а Титка! так едем что ли?» Но Титка не отвечал: он сам не знал, куда ехать. Проезжали мы в брод через какие-то ручьи, много проехали деревень, где наводили не всегда удачные справки, плутали в лесу... дорога невозможная: словом, путались всю ночь и только на рассвете приехали в Покровское.

Путешествие это было для меня новинкою, первым знакомством с деревенскими проселками. Тетушка сильно боялась лошадей и дурной дороги...

Село Ярополец, Волоколамского уезда, старинное имение Чернышовых, на боль-

шой дороге, недалеко от границы Тверской губернии. Случилось мне проехать его рано утром. Видел я прекрасный старинный дом, с стройными садами на извилистых берегах Ламы. Гораздо позднее пришлось мне опять побывать в Яропольце и подробно осмотреть дом в отсутствие хозяев. В нем богатая библиотека, архив и старинные портреты: только все это хранится под спудом, подобно многим другим частным собраниям. Мы еще, видно, не достаточно понимаем и ценим подобные сокровища и не выяснили еще себе их значение. Казало бы, одного имени завоевателя Берлина, графа Захара Григорьевича Чернышова достаточно, чтобы возбудить внимание к хранящемуся в Яропольце семейному архиву!

Из Яропольца поворот дороги в Тверскую губернию и прямой путь в известное имение кн. Мещерских — с. Лотышино. Здесь же в Яропольце могила гетмана Дорошенко. Думал ли мятежный гетман войска Запорожского, что его костям суждено будет лежать в глуши Волоколамского уезда на берегу Ламы?

...Одновременно с поездкой по Волоколамскому уезду случилось мне побывать в имении Петра Петровича Алмазова под Клином. Оттуда мы, по желанию тетушки, отправились в соседнюю небольшую усадьбу «Алмазовку», к брату моей бабушки Варвары Петровны Шереметевой. Меня туда особенно не тянуло, но тетушка непременно желала навестишь своего дядю. Жил он в нескольких верстах от Клина, в небольшом запущенном доме, с таким же садом. Въезжать к нему нужно было через полуразвалившиеся ворота. Здесь доживал он свой бурный и тревожный век в уцелевшем от порядочно прожитого состояния в небольшом имении, в полном одиночестве, 80-летним стариком. Преклонный возраст не помешал однако ему вскоре после нашего посещения вступить во второй брак.

В доме царствовал полный беспорядок. Принял нас Петр Петрович как-то странно; довольно сухо обошелся с тетушкой; со мною же был любезен и долго объяснял мне, что он мне не дядя, а «дед», обещал даже подарить мне книгу писем фельдмаршала Бориса Петровича, и действительно чрез несколько времени прислал мне ее с надписью: «От деда Алмазова». Он всегда держался в стороне от семьи и не был особенно дружен с моей бабушкой. Родной дядя поэта Б. Н. Алмазова, самодур и человек беспоконный, о нем немало сохранилось рассказов о его чудачествах, о странных выходках. Его вообще избегали. Он приколачивал к воротам своим иконы, и потом заявлял, что эти иконы — явленные, и требовал, чтобы служили молебны. Любитель цыган, в то же время кутила и иг-

рок, он служил в военной службе и у него немало было неприятных столкновений. В молодости он был очень красив; правильные черты сохранились и в старости. Когда-то ухаживал он и сопровождал в прогулках верхом девушку, тогда известную красавицу... Кто бы мог подумать, что эта девушка будет памятна всем, строгая и внушительная мать игуменья Мария Давыдовна, недавно скончавшаяся в Костроме.

В ближайшем соседстве от села Остафьева, весь в зелени березовой рощи, стоит небольшой деревянный дом с балконами и мезонином, с флигелями и грунтовыми сараями. Это старая усадьба Окуловых. Впоследствии она была продана княгине Марии Аркадьевне Вяземской и теперь принадлежит А. П. Сипягиной. Когда-то в первой половине этого столетия здесь дружно и весело жили сестры Окуловы. Они много принимали и находились в постоянных сношениях с соседями и гостями Остафьевскими. Не раз упоминает о них кн. Петр Андреевич Вяземский в своих письмах и рассказах.

Я уже застал здесь только последнюю из сестер, Варвару Алексеевну Окулову, которая до конца дней своих осталась верна Никульскому. Она замуж не вышла и дожила свой век в тиши уединения, окруженная воспоминаниями прошлого, наслаждаясь своим цветником и занимаясь разведением роз. Дом ее был вполне старосветским; теперь такие дома исчезают.

В средней комнате висели старые семейные портреты. Сидела Варвара Алексеевна большей частью на своем любимом балконе, в покойном кресле, любуясь знакомым видом, сквозь просеку сада на луга и берега Десны. Небольшая речка, в нескольких местах когда-то запруженная, стекает вдоль сада в Десну, и тут же за этими полузадохшими прудами тянется деревня Никульская.

Всякий раз, что мы бывали в Остафьево, обязательно было посещение Никульского. Здесь жила Варвара Алексеевна зиму и лето в полном уединении, редко кем посещаемая. Иногда проезжал к ней муж ее племянницы Дьяковой, С. М. Сухотин, и более почти никто. Покойный Н. П. Шипов предлагал ей не раз переехать в роскошное Осташово, но она осталась в дорогом ей Никульском.

От любимого балкона две дорожки расходились полукругом, образуя округленную поляну, снаружи окаймленную березовой рощею. Обе дорожки сходились на скате у самой просеки, где стояла скамейка. Отсюда можно было любоваться видом дома и берегами Десны, глядеть на проселок, по которому шли пешеходы, и где изредка

Граф С. Д. Шереметев

раздавался отдаленный колокольчик. Это место мне всегда особенно нравилось. Здесь так было тихо, что казалось отдалено было от всего суетного и городского.

Варвара Алексеевна почти до конца дней своих купалась в Десне. Узнал я об этом случайно; кто-то из крестьян сказал мне, показывая на берег Десны: «Здесь барахтается Никульская барыня». У нее были прекрасные деревья в грунтовых сараях, и она любила похвастаться своими вишнями и розанами. Разговор ее был приятен: она оживлялась при рассказах о прошлом, но вообще была сдержанна, всегда в полной неприкосновенности охраняя свою независимость.

Отношения ее к Остафьевским соседям были своеобразны. Она всегда охотно их принимала, и часто разговор ее возвращался к кн. Петру Андреевичу, который когда-то был ее поклонником. Она следила за ним в последние годы его жизни в Гамбурге и радовалась, когда ей сообщали о нем известия. К княгине Вере Федоровне она была совершенно равнодушна. В молодости князя Петра Андреевича, говорят, шу-

тили над ним, когда он бывал не в духе, и намекали на отсутствие Варвары Алексеевны: «С' est parle gu'il n'a pas sa Barbe!» Иногда заходила она пешком в Остафьево, попить чаю и поговорить с Вяземскими. Я заметил, что эти посещения были особенно приятны князю Павлу Петровичу, и он относился к ней всегда почтительно и сочувственно. Пешком бывало возвращалась она всегда домой по березовой аллее, соединявшей ее усадьбу с Остафьевым. В семье своей она также держалась вполне независимо, ни к кому особенно не примыкая.

У нее остались бумаги и любопытная переписка. В церковь всегда она ездила в Остафьево, где становилась на обычном месте. Она была ревностна в церкви, но не сходилась с духовенством, то есть не могла привыкнуть к новому направлению среди церковнослужителей, иногда чересчур воинственному.

Придворные влияния, отразившиеся на сестре ее Анне Алексеевне, ее не коснулись. Она радовалась положению сестры, воспитательницы будущей королевы Виртембергской Ольги Николаевны, но сама наслаждалась своею свободою. Знакомство и сближение ее с поэтами и с друзьями Остафьевского кружка дал мыслям ее иное направление, и вот почему мы видим, что в старости, полузабывая и в полном уединении, она не потерялась, так много было в ней внутренней духовной жизни; душа ее не старилась сохраняя живость и впечатлительность молодых лет.

* * *

...Помню осеннюю поездку всюю семьей из Покровского в Михайловское. По пути свернули мы в Кораллово, близ Звенигорода, имение А. А. Васильчикова.

Была глухая ночь, погода свежая и дождливая, как и следует в осеннее время, дороги до нельзя плохи; мы порядочно передрогли. Ночь застала нас еще в Завязове. Кое-как дотащились мы до Кораллова и в непозволительно позднее время постучались в двери.

Вся усадьба была, конечно, объята глубоким сном; но мало по малу звуки бубенцов и лай собак пробудили жителей Кораллова. В доме показался огонь, растворилась дверь, и сам хозяин А. А. Васильчиков встретил нас со свечою в руках.

Нам было очень совестно ввалиться в такую пору и притом—с целым обозом, с детьми и прислугою... Теплый уголок скоро пригрел всех нас; мы заснули, как убитые, а на другой день направились в Михайловское...

Не раз с тех пор бывали мы в Кораллове. Однажды застал я А. А. Васильчикова совершенно одного. Он прочел мне несколько

В. Э. Борисов-Мусатов. Прогулка при закате

В. Демьянов. Усадьба помещицы.

глав своего труда о Разумовских; сидели мы в библиотеке около кабинета. Коралловский дом интересен. Все в нем устроено хозяином оригинально и со вкусом. Рабочий кабинет уютен и прост. На лестнице и в гостиных много портретов масляной краской и миниатюр, тут же находятся различные коллекции. Особенно хороша домовая церковь с прекрасными иконами и с иконостасом кипарисового дерева. Тут много помог А. А. Васильчикову Саввинский настоятель о. Галактион: «fater Galaschion», как называл он его в шутку. Он вообще любил побалагурить и Звенигород величал: «Sonneville» с прибавкою почему-то «l'og guelleuse». Убранство Кораллова воспето в стихах графа А. В. Бобринского, подражавшего стихам Пушкина — князю Юсупову:

«Коралловских земель любезный обладатель,
К тебе мы свой привет желали б принести,—
В Кораллово, где ты, и зодчий, и ваятель,
Приют искусства хочешь возвести;
Где мрамор Пароса, майолика Урбино,
Китайца странный вкус и бронза Сансовино,
Лионская парча и наш родной кумач
Труднейшую решали из задач:
Смышленной прихоти твоей повиноваться
И пред тобой в убранстве состязаться».

В последний раз я был в Кораллово уже во время болезни А. А. Васильчикова. Он был довольно слаб, однако ж сам предложил показать нам сад. С видимым удовольствием водил он нас по дорожкам и хорошим местам. Мало того: он предложил пойти пешком до Саввина монастыря. Прогулка была прекрасная. Чем ближе к Саввину, тем места живописнее. Долго шли мы косо гором вдоль оврагов и не выходили из рощи; насаждения по преимуществу смешанные, справа в долине красивая деревня. Грустно, когда уходят люди, оставляющие добрый и прочный след своей деятельности. С какой ревностью охранял он неприкосновенность наших древних памятников, как усердно, даже иногда запальчиво, ратовал он за сохранение их! Среди почти повального современного равнодушия отрадно было встретить человека, останавливающегося на вопросах, не существующих для большинства. При всей своей светскости и несмотря на среду придворную, в нем не угасла до конца искра сочувствия и привязанности к старине русской. Он был из числа не слишком многочисленного кружка светских людей, понимающих недостаточность господствующей раздражительности

всему чужому. Он не мог не сознавать, что общество, отрехшееся от коренных своих начал, подлежит неизбежному провалу.

* * *

Хороша дорога из Звенигорода в Уборы почти все время крутым берегом Москва-реки. Красивые и когда-то оживленные усадьбы виднеются вдоль берега. Вслед за Медведниковым — село Иславское, некогда Архаровское, еще далее — село Успенское, бывшее Бибиковых. Это старейший путь богомоля в Саввин. Когда-то здесь были сплошные сосновые леса. Это еще заметно по оставшимся пням. Самые названия деревень говорят о лесе: деревня Борки, село Уборы (у бора). Подъезжая к Уборам, местность становится еще красивее: еще круче берега Москвы реки; молодой сосновый лес начинает уже подниматься, он тянется вплоть до старой плотины и липовой рощи, что у самой церкви с. Убор.

Можно с некоторым воображением представить себе картину прошлого, когда среди этих сосновых лесов красовалась с своими прудами и террасами Уборская старая усадьба. Широко расстилается привольный вид за Москву-реку — и все луга. Далеко со всех сторон виднеется красное здание Уборской церкви Спаса Нерукотворного с открытыми ходами вокруг, с причудливою лестницею Нерукотворенного Спаса... Помню, как однажды, подъезжали мы к Уборам в 1899 году. Был канун Петрова дня, вечер теплый и тихий. Издали доносился до нас протяжный благовест. Народ стоял на паперти и вокруг церкви. У всех был вид праздничный. Мы вошли в эту церковь, переполненную молящимися. Стройное крестьянское пение раздавалось под высокими сводами храма. Диакон, древний старик, отчетливо и выразительно вычитывал прошения.

Величественный иконостас поразил меня строгостью и законченностью отделки. Лампада ярко горела у местной иконы Спаса... Старую Русью повеяло на нас после целого ряда разнообразных впечатлений! Мне казалось, что я перенесся вдруг в давно прошедшее время: тот же храм представлялся мне наполненным молящимися, и в нем мне виделась бабушка Екатерина Васильевна, еще девушкой, с сестрою и братом на глазах у своих родителей — в старом насиженном семейном гнезде... И все же теперь пред глазами заливные луга москворецкие, те же пруды, и та же тенистая, стройная липовая роща...

Михайловское, 3 июля 1897 г.